

В детстве мои родители, когда уезжали в отпуск, отвозили меня к дедушке и бабушке в подмосковный город Подольск, где те жили в частном секторе в небольшом домике на десяти сотках земли. В саду росли яблони, сливы, две вишни, вдоль забора сидели огромные кусты белой, красной и черной смородины и парочка — колючего крыжовника. Дедушка держал несущек, и каждое утро на завтрак заставлял всех выпивать по свежему, еще теплому яичку — прямо из-под курочки. Особенно дедушка радовался, когда появлялся гольш — яичко в пленке, без скорлупы. Его дед прятал, собрав в шапку приблизительно десятков яиц, потом предлагал каждому на ощупь вытащить свой завтрак. Счастливым считался тот, кто вытаскивал гольша.

У дедушки с бабушкой водились свои любимцы. Бабушка обожала черно-белого пушистого кота Ваську, дед не чаял души в русском спаниеле Жульке, которого ему подарили его ученики. Всю жизнь дед учительствовал, а после войны был назначен директором школы.

Жулька частенько скандалил с Васькой. Кот жил в доме, и каждый день исправно ходил на улицу, где его поджидал спаниель. Жульку держали в будке, однако на цепь сажали редко. Очевидно, в душе песик завидовал Ваське, жившему при хозяевах в доме — в тепле, сытости, ласке, и за это исправно загонял кота на высокое дерево, где тот испуганно раскачивался на тяжелых ветвях с полчаса, а то и больше, пока бабушка не обнаруживала это безобразие и не звала деда на выручку. Васька ругался с Жулькой, дед ругался с бабушкой.

Мы с Жулькой были друзьями — не разлей вода. Все мое шкодство всегда проходило с участием спаниеля. Втихаря я выпускала из курятника кур, а потом бегала ловила их, чтобы снова загнать, понятное дело, Жулька постоянно был моим верным помощником. Почти каждый вечер меня отчитывали за непослушание, охали, куры-де с моим приездом стали плохо нестись. Ясное дело: когда тебя десять раз на дню гоняют по всему участку, да еще и с собакой — тут не до яиц. Васька слушал, как меня ругают, философски жмурился и тер мордочку лапкой: «Мур-р...» Проходит, мол, все, пройдет и это. Мне было шесть лет.

В выходной приехали мама с папой. Мы решили все вместе — дед, папа, мама, я и Жулька — сходить за грибами в лес. Утром собрались рано, еще только начало светать. Взяли корзинки, выпили чаю, свистнули Жульку и пошли. У последнего по улице дома все обратили внимание, что наш песик куда-то исчез. Дед начал его присвистывать, но Жульки и след простыл, а что такое поводок спаниель вообще не знал.

Через несколько минут раздался пронзительный женский визг, а в дырке под забором показалась Жулькина морда. Он яростно лез, крепко держа зубами дохлого цыпленка. Через мгновение пес уже подал дичь деду в руки и расплылся в широченной улыбке. Следом щелкнула калитка — перед нами возникла разъяренная фурия. Женщина орала благим матом, почти на ультразвуке:

— Задрал куря! На моих глазах! А ну, платите! На привязи надо держать свою собаку.

Дед полез в карман, протянул бабе деньги, взял Жульку за загривок и сделал вид, что треплет его в наказание. Пес взвизгнул немного, хотя морда светилась от счастья. Баба быстро схватила деньги, вырвала из рук деда цыпленка и растворилась за калиткой. Мы отправились дальше.

Дед подсмеивался и хвалил Жульку:

— Молодец, Жулик! Правильно мы тебя назвали. Хороший охотник, грамотно птичку взял. Без шума и пыли. А тетка бульон себе сегодня сварит.

Потом почему-то дед отстал. Не помню, то ли зашел к кому попутно, то ли еще что, но мы с родителями ушли вперед. Жулька носился челноком — добежит до нас, и обратно деда искать.

Вскоре мы вышли к трассе, где со страшной скоростью проносились машины. Деда сзади не было, и мы вместе с Жулькой быстро перебежали дорогу. Жулька нырнул в кусты и исчез. Остановились подождать деда. Через некоторое время он показался с корзинкой по ту сторону дороги и замахал нам рукой. Жулька

выскочил из кустов и пулей вылетел к нему навстречу...

Машина, которая сбила собаку, даже не притормозила. Нелюдь за рулем поддал газу и стал растворяться вдали. Посередине оживленной трассы, отлетев туда от сильного удара, теперь лежал недвижимо наш пес, мой бело-черный Жулька, любимый дружок, под которым медленно растекалась лужа крови...

С диким, не детским криком я бросилась к песику, мама схватила меня и держала изо всех сил. На дороге выбежал папа и, схватив Жульку на руки, вынес его оттуда. У пса текла кровь из ушей и из носа, но он был жив. Потрясенный дед, прошедший всю Великую Отечественную войну на передовой, стоял теперь со слезами на глазах. Папа осторожно передал Жульку в руки деда. От боли пес взвизгнул и неожиданно прокусил ему руку насквозь.

Дедушка положил спаниеля на траву в кусты и сказал, что нужно скорее идти домой за тележкой, чтобы аккуратно перевезти раненого домой. Я наотрез отказалась отходить от Жульки, и тогда дед с прокушенной рукой, из которой капала кровь, пошел сам. Жулькина голова покоилась у меня на коленях. Он даже не скулил, но слабел с каждой минутой. Я гладила его по голове и умоляла, чтобы он не умирал. Тогда я еще верила в чудеса, надеялась, что кто-то там, на небесах, услышит меня — надо только очень сильно захотеть,— и собака обязательно выживет, и мы снова будем вместе гонять Ваську и кур. Я захлебывалась слезами, мама боялась за мою психику, отец мрачно ходил вокруг и курил папиросы одну за другой, приговаривая, словно читал молитву: «Нельзя было переходить трассу, надо было здесь деда ждать...», почему-то обвиняя во всем маму: «Это все ты! Ты! Пошли, перейдем дорогу...»

Сколько прошло времени, никто не помнит. Пришел дед с перебинтованной рукой и с тележкой, внутри которой все было обложено старыми мягкими подушками. Он попытался приподнять безжизненное тело Жульки, тот слабо вскрикнул. Дед бережно потрогал его бока и покачал головой:

— Похоже, переломаны ребра и повреждены внутренние органы, боюсь... — глядя на меня, дед не говорил, только глубоко, по-мужски, вздохнул и положил собаку в тележку. Хотя я и так все поняла. Всю обратную дорогу мы молчали.

Дома Жулька практически не шевелился, но еще дышал. Некоторое время он лежал у меня на коленях и боролся за жизнь. Я гладила его до последней минуты. Потом меня оттащили от собаки, а дед унес Жульку.

Он так и не сказал мне, где его похоронил.

Детское горе — самое ужасное на свете. Дед не мог жить без собак — после Жульки были другие, я их тоже любила, играла с ними, только мой черно-белый друг так и остался в памяти маленьким бело-черным псом с длинными ушами, лежащим у меня на коленях и пытающимся слабым языком лизнуть мою руку.